ОСНОВЫ КНИЖНОГО НАБОРА

Настоящее издание напечатано в 15-й Государственной типографии (бывш. Голике и Вильборг), в количестве 2.000 экземпляров, в мае 1922 года. Заглавная буква и концовка работы художника С. Чехонина, обложка и титульные листы художника А. Н. Лео

Р. Ц. — № 1070

В. И. АНИСИМОВ

ОСНОВЫ КНИЖНОГО НАБОРА

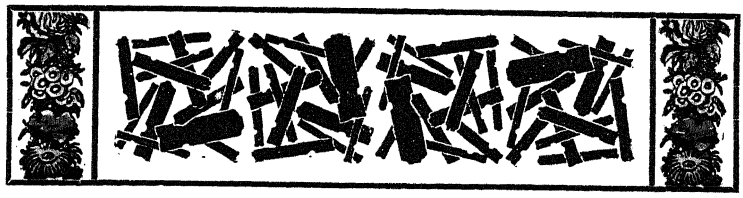
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ 1 — 9 — 2 — 2

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ПРОЛ.
1929

Z
253

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.



нига должна интересовать типографа не только в смысле ее технического совершенства, но и в смысле последовательного развития тех основ, на которых создавалась и развивалась книга и основы книжного набора, несомненно нужно искать в самой книге. Если же мы захотим заглянуть дальше, в источники печатного дела вообще, то увидим, что здесь находит себе подтверждение все то, что мы находим в хорошо выполненной современной книге. Во все времена человек старался дать шрифту такую практическую форму, которая не только облегчала бы процесс чтения, но и обеспечивала бы самому шрифту известную стойкость, помогая его удобному и верному сохранению. Но наряду с этим, с начала появления шрифта, можно заметить стремление — дать ему вообще и в частности, смотря по обстоятельствам, возможно красивую, художественную форму и порядок.

Принципы набора сравнительно мало основываются на общем виде и характере шрифта или отдельных букв: последние, смотря по культуре страны, откуда они происходят, и по вкусу времени, отличаются бесконечным разнообразием:

они коренятся, главным образом, в форме более или менее обширных шрифтовых групп, которые выражают мысль в законченном виде или передают более длинные ряды мыслей посредством регулярного повторения внешней формы. Так, уже в старинных, насчитывающих за собою целые тысячелетия, надписях на ассирийских и египетских архитектурных памятниках и столь же древних клинописных таблицах, папирусах и свитках, этих предтечах наших книг, мы видим эти самые принципы. В ближе к нам стоящих греческих и римских рукописях и еще более — в великолепных рукописях средневековья форма и расположение шрифта показывают высокую степень совершенства. Все эти памятники имеют одну общую черту: стремление к тому, чтобы соединить письменные знаки, служащие для выражения мыслей, в прямоугольные группы. Если исключить круглые монеты, то все надписи почти исключительно располагаются по прямоугольным поверхностям таким образом, что они занимают или всю эту поверхность целиком, или же часть ее, и непременно прямоугольную.

В древнейшей форме книги, папирусном свитке, шрифт располагался группами, размер которых в ширину и высоту соответствовал нашим современным страницам; шрифт состоял из букв одинаковой величины и из строчек одинаковой, часто математически размеренной, ширины, а колонки, расставленные на одинаковых расстояниях друг от друга, все имели одинаковую длину. Следующий за папирусным свитком кодекс унаследовал это правило с большою добросовестностью, восполнив его еще тщательно взвешенным

«форматом», то-есть точно размеренными полями между двумя страницами и около наружных краев исписанных поверхностей. Шрифт остается, несмотря на некоторое колебание в стиле, очень однородным; нередко он богато и изящно украшается начальными фигурными буквами и орнаментикою в начале и по краям, так что рукопись или книга в целом становится художественным произведением. Книгопечатание могло развиваться далее на основах, напечатанных здесь, и оно должно было это делать, так как в конце концов оно являлось не чем иным, как художественно-ремесленным продолжением письменного искусства.

Самый старинный набор, изобретенный и применявшийся Гутенбергом, это — гладкий текстовый набор. Абзацев, неполных концевых строк тогда избегали; заголовки и рубрики были совсем неизвестны. Необыкновенно равномерный, без пропусков набор самых старых печатных произведений имеет своим началом хорошо продуманную систему рисунка и отливки шрифтов, которая напоминает вновь воскресшие в наше время и в отдельности проводимые стремления к созданию систематических литер. Древнейшие шрифты Гутенберга, Шеффера и некоторых из их учеников имеют известную ширину, единицей которой является буква i или один из основных штрихов латинских букв: m или n. Лишь немногие буквы, как например, строчные e и r, имеют ширину в полторы единицы; у других, каковы например c, f, t, хотя основной штрих сзади [1]) и имел правильную ширину,

[1]) «Заднею» стороною словолитчики называют ту сторону буквы, которая в оттиске лежит слева; переднею — ту, которая лежит справа; следовательно: зад ← n → перед.

но спереди буквы эти переходили нормальный размер, что вызывалось характерною для этих букв поперечною чертою. Чтобы уравновесить снова ширину[1]) шрифта, ближайшая буква сзади делалась остроконечной или скорее отливалась так, что сзади вовсе не имела «мяса». Для некоторых букв, как напр.: i, n, u, r пользовались при резьбе и отливке особым вторым типом, то-есть второй литерой, где буквы имели не кубическую, а заостренную головку; в буквах a, d, e выступающие позади над основным штрихом кончики гладко обрезались.

Нормальный промежуток между словами имел ширину единицы и образовывался вероятно двумя шпациями, как о том можно догадываться по «затычкам» которые применялись уже в самых старинных произведениях печати.

Но этим материалом изобретатель не довольствовался: если он вместо двух нормальных шпаций в исключительных случаях ставил только одну, а иногда, тоже как исключение, ставил и три шпации между словами, то эти средства еще не достигали главной цели и прежде всего — одинаковой длины всех строк. Поэтому к шрифту прибавлялись еще лигатуры и аббревиатуры. Первые — это связанные между собою пары букв,

---

[1]) Под «шириною» шрифта разумеется расстояние между основными штрихами двух рядом стоящих букв, которое в шрифтах нормальной ширины соответствует так называемому «пунценвейте», то-есть расстоянию основных штрихов в буквах m или n; боковое же протяжение корпуса литеры есть его «толщина». Ширина шрифта часто смешивается с толщиною литер даже специалистами: такое смешение мы встречаем у Вебера в его «Катехизисе книгопечатания» и у Унгера в его сочинении о возникновении

как например: de, he, ho и т. д.; благодаря им в строке сберегается пространство единицы основного штриха. Вторые — это сокращения, которые были обычны в рукописях того времени. Таким путем возник наборный материал, содержащий до двух сот знаков, с помощью которых и осуще-

den funfften dag de
ist der mane nuwe-
grade der fische · Sa

Отрывок из отпечатанного Гутенбергом календаря 1448 года

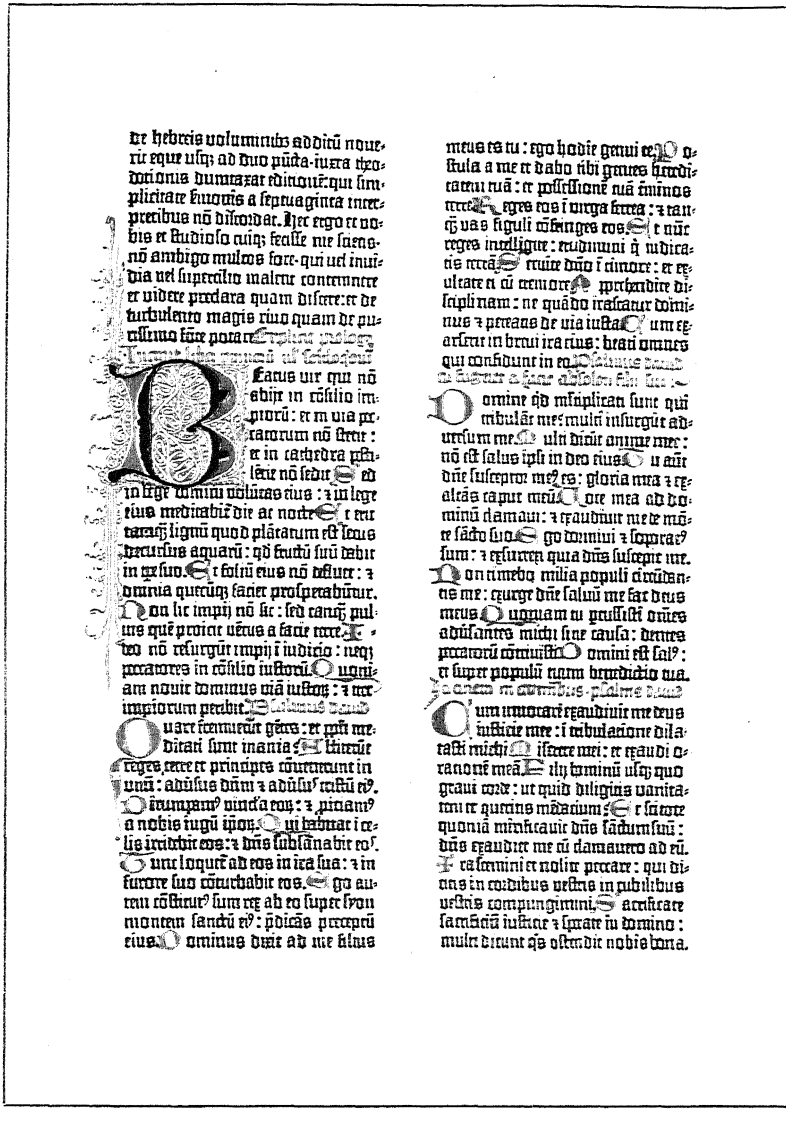
ствлялся набор, до сих пор удивляющий нас своею равномерностью. Выключка строк не ограничивалась увеличением и уменьшением промежутков между словами, а производилась, главным образом, в большинстве строк исключительно применением лигатур и аббревиатур. На отрывке из отпечатанного Гутенбергом календаря на 1448 год поясняется

книги; Коломнин просто умалчивает в своих «Кратких сведениях по типографскому делу» о толщине литеры, а прямо называет ее кеглем; но Коломнин был не специалист и даже перепутал в своем учебнике верх и низ литеры, как путают это и другие учебники (И. Богданов, И. Михайлов). Путает эти понятия и Ирмиш в своем французско-русском словаре печатников. Словолитчики никогда не смешивают двух упомянутых терминов, которые насчитывают за собою давность в несколько столетий.

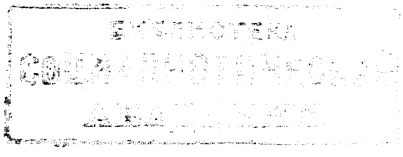
форма и составление отдельных литер, а по значительно уменьшенной странице из 42-х-строчной Гутенберговской библии читатель также может узреть эту стариннейшую манеру набора и ее действие. (Приложение 1-е).

Репродукция страницы из библии дает нам повод к некоторым дальнейшим замечаниям. В наборе интересно наблюдать, как поставлены дефисы и некоторые точки на концах строк, ибо они выходят за формат строки. В этой, повидимому незначительной, технической особенности сказывается художественная добросовестность изобретателя, который не хочет видеть в книге гладких зубцов на концах строк. Если бы дефисы и точки были взяты в длину строки, то-есть не выходили в поле, то это дало бы при сильном шрифте некрасиво зазубренные края. Насколько тщательно набирался набор, можно видеть из одной мелочи: стоящие на концах набора на линии шрифта точки и потому образующие неприятные для глаза белые места, поставлены на край, за линию набора; наоборот, точки, отлитые на средине кегля и потому не оставляющие зияющих белых мест (в те времена эти точки употреблялись там, где мы в настоящее время ставим запятые), стоят в линии набора (см. строку шестую первого столбца). Такие тонкости набора не только могут, но и должны служить нам образцом и ныне.

Такой древнейший способ набора является до известной степени художественным разрешением поставленой задачи, и его выполнение предполагало художника. К сожалению, уже помощники Гутенберга не всегда были художниками,



Страница из 42-х-строчной Гутенберговской библии


БИБЛИОТЕКА

а еще реже встречались они среди преемников изобретателя, которые, изучив в Майнце печатное искусство, разошлись отсюда по всему свету. С другой стороны, проведение указанных принципов в более мелких шрифтах было затруднительно. Естественное развитие приводило к упрощению материала и наборной техники, в большинстве случаев в ущерб художественности. Аббревиатуры мало по малу исчезли совсем, а из лигатур остались немногие, которые сохранились до сих пор, да и то лишь в шрифтах готического начертания: ch, ck, ff, fi, fl, ll, si, ss, st, ß, tz; в антикве же всего сохранилось только пять лигатур: æ, œ, ff, fi, fl.

С уничтожением лигатур выравнивание строк должно было ограничиться только изменением промежутков между словами. Если до самого начала девятнадцатого века удержалась введенная еще Гутенбергом «тесная» выключка, то из этого видно, как глубоко вкоренилось в типографщиках чувство необходимости законченного набора. Широкая выключка появилась только с введением широких книжных шрифтов, и оттиски с таких наборов, благодаря широкой выключке, казались как бы простреленные дробью. Далеко не блестящее выполнение наборных работ у французов, повлекло за собою подражание, иногда преувеличенное, со стороны типографщиков и издателей других стран. Развитие газетной прессы, требующей быстрой наборной работы, способствовало тому, что полукруглый, который прежде употребляли как заключительный квадратик только за точкою, был введен в качестве нормального промежутка между словами и широкая выключка стала правилом. И как заграницею в настоящее

время ни стараются с ним покончить, этому мешает введенный во всех странах тариф на строчной набор, так как переход к более узкой и безусловно правильной выключке неразрывно связан с повышением тарифной платы за набор. Что же касается русских наборщиков, то как бы не была высока тарифная плата, мало кто из них может дать технически правильно набранный текстовый набор, ибо мало кто обладает надлежащим техническим и общим образованием, а врожденная нелюбовь к книге и серьезному чтению только мешает им полюбить свое дело и изучить его хотя бы по тем учебникам и специальным статьям, которых у нас имеется вполне достаточно.

Красота набора основывается, как уже сказано выше, прежде всего на тщательном измерении пробелов между словами; все искусство пропадет даром, если набор выключен не так, как то соответствует характеру данного шрифта. Ни самые изящные украшения, инициалы и иллюстрации, ни самая аккуратная печать, ни лучшая бумага не помогут, если набор выглядит так, «как будто его расклевали вороны», как выразился Иоганн Каспар Мюллер еще в 1740 году, предостерегая от неравномерной выключки. Средняя ширина выключки определяется смотря по роду шрифта. Разбитый на шпоны набор все же должен в дальнейшем держаться такой разбивки между словами, чтобы пробелы не образовали дыр, в противном случае будет уничтожаться связность строки, а это разрушает целостность впечатления, а вместе с тем и красоту как страницы, так, в конце концов — и всей книги.

Нормальный промежуток между словами в первых печатных произведениях, как уже сказано выше, равнялся пространству основного штриха средней буквы. В строгом и спокойном готическом шрифте, строки которого плотно прилегали друг к другу, это было лучшим разрешением вопроса, и оно могло бы иметь силу, разумно применяемую в различных шрифтах и в настоящее время, ибо привычка и стремление много и быстро читать нисколько не говорило в пользу несколько большего пробела между словами. Однако, благомыслящие, но непрошенные советчики преспокойно перешагнули ее, и чуткий типографщик вынужден теперь оборонятьсѧ от своих друзей. «Ясное разделение слов» является одним из тех требований, которые предъявляются современными окулистами к искусству Гутенберга. Но это требование во многих отношениях не отвечает цели: прежде всего, большие промежутки затрудняют чтение, потому что привычный читатель не схватывает одним взглядом только отдельные слова, а окидывает взором с необыкновенною быстротою целые группы слов, чтобы сразу уловить смысл читаемого. Каждая дыра, большая, чем то нужно для ясного разделения слов, мешает глазу и нарушает умственный процес чтения; во-вторых, большие промежутки на таких «расклеванных» страницах не только портят эстетическое впечатление, но и сильно режут глаз.

Выражаясь техническим языком, ширина пространства между основными штрихами нормального шрифта средней буквы равняется четверти круглого. Но такое пространство, принимая во внимание современные требования, предъявляемые

k ясности набора, несколько мало, а потому я советую принять в качестве нормального промежутка между словами половину обычной буквы ш, что соответствует в наиболее употребительных книжных шрифтах одной трети круглого. Но брать одну треть круглого целиком в качестве нормального словорасделителя для всех шрифтов неудобно, так как для шрифтов широкой резьбы такой пробел будет слишком мал, а для шрифтов узкой резьбы — велик. Поэтому нужно установить в качестве правила, что для книжных шрифтов можно брать одну треть круглого, а для набора акцидентных шрифтов — половину ширины буквы ш.

При выключке гладкого набора, понятно, берутся различные расстояния. «Нормальный» промежуток между словами здесь приложим только как средняя величина, но уклонения должны оставаться в известных границах, — между одною четвертою круглого, как самым широким промежутком. Промежутки между словами нужно тщательно выравнивать. Для этого наборщик располагая известными правилами, которые сами по себе не плохи, но к сожалению их часто придерживаются слишком механически. Так, прежде всего пространство перед заглавными буквами часто уменьшается; между тем лучше было бы прежде всего обращать внимание на те промежутки, которые являются больше других вследствие формы отдельных букв. Если, например, слово заканчивается буквами: г, д, т, у, г, v, w, или начинается с букв: д, л, т, у, ч, г, v, w, или хотя бы с букв е, о, или если даже заключительные и начальные буквы совпадают, то пространство делается больше, чем например, между б б, б р, d h, f b, l B и т. д.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Внимательный наборщик при работе, несмотря на все правила уменьшения промежутков, прежде всего обратит внимание на случаи первого рода и затем только уменьшит пространство перед заглавными буквами. Здесь он в свою очередь обратит внимание прежде всего на пространство перед буквами A, Д, Л, Т, У, Ч, V, W. Если необходимо увеличение нормального промежутка, то, конечно, необходимо выключать в обратной последовательности. Пробелы позади запятой и точки нуждаются в особенном внимании. Старые правила, гласящие, что пространство за точкою должно быть двойным и что пространство за запятою должно быть прежде всего увеличиваемо, не могут быть признаны безусловно основательными, так как запятая, а равно и точка являются уже сами по себе значительными промежутками, и увеличивать поэтому нужно с осмотрительностью.

Если мы теперь от отдельных строк перейдем к группе набора, к странице, то заметим, что типографщики, несмотря на колебания, в течении столетий остались верны в одном: в замкнутом выполнении набора. Замкнутый вид основывается на тесном прилегании друг к другу строк, стало быть — на сжатом наборе. Разрядка набора с намерением сообщить этим набору бóльшую широту и открытость, большинству типографщиков первых столетий, повидимому, не была известна. Расстояние между строками определялось кеглем шрифта, при чем кегель уже с давних пор основывался не на какой либо прочной и твердой мере, а скорее определялся цеховыми порядками, отдельные ступени которых носят общеизвестные и общепринятые названия. Корпус, цицеро и миттель

были в течении столетий самыми употребительными книжными шрифтами. Еще в семнадцатом столетии миттель весьма часто применялся для книг в малую четвертую и восьмую долю формата; позднее, в восемнадцатом столетии, для этого стали предпочитать цицеро, а затем уже книжным шрифтом является корпус, а для так называемых изданий классиков в карманном формате, в двенадцатую и шестнадцатую доли листа, как подражание «Эльзевировским выпускам», был принят петит.

Кегель устанавливается смотря по длине верхних и нижних концов шрифта: «какова, например, в шрифте длина букв *j* или *f*, таков должен быть и наименьший кегель» — говорит Гесснер в своем руководстве, относящемся к 1740 году.

Выходит почти так, что как будто старые типографщики чувствовали, что строки должны соприкасаться, чтобы дать странице известную целостность. При этом старые книги вовсе не страдают монотонностью или однообразием; наоборот, отдельные страницы обнаруживают большое разнообразие. Последнее достигалось тем, что средние по длине буквы, составляющие как бы тело строки, например: а, т, п и т. д. изображались весьма различно в сравнении с буквами, выступающими кверху или свешивающимися вниз. И шрифты, имеющие сжатую форму, обладали в большинстве случаев более короткими размерами, считая от верхнего конца к нижнему, нежели широкие шрифты, имеющие светлые открытые формы; в первых, таким образом, строки, как и буквы, стояли плотнее, чем в последних, и между обеими крайностями оставалась

возможность для бесчисленных вариантов; но самые строки всегда примыкали близко друг к другу, так что нижние концы выдающихся букв верхней строки близко соприкасались с верхними концами длинных букв ниже лежащей строки. Благодаря этому шрифт страницы казался как бы переплетенным между собою.

Раздвигание строк в восемнадцатом столетии сделалось модою; особенно расдвигались строки в многоречивых предисловиях и посвящениях, которые прибавлялись в то время к каждой почти книге; затем стали расставлять строки и в целой книге, если она почему либо считалась выдающеюся. На этот прием смотрели как на сообщающий книге особенную красоту, о чем свидетельствует замечание, которое делает Гесснер в своем вышеупомянутом руководстве 1740 года.

Более или менее разбитый на шпоны набор сохранился до настоящего времени, и только благодаря новейшим стремлениям к художественному облику книги, удалось свести разбивку строк к здоровой норме. Ширина разбивки должна соответствовать шрифту. Шрифт с короткими верхними и нижними кончиками требует меньших промежутков между строками, потому что в противном случае эти короткие кончики не имели бы смысла. Расставлять широко такой шрифт значит идти против вкуса, ибо в таком случае строки как бы распадаются, образуя на печатной странице темные поперечные полосы, и не дают впечатления спокойной поверхности. Если мы теперь обратимся к шрифтам с более удлиненными выступами вверху и внизу, то они уже сами по себе дают более раскрытую картину набора и

стало быть менее нуждаются в той или иной разбивке строк; но с другой стороны они допускают и более широкое расстояние между строками, так как эти же буквы, выдаваясь за строку, оживляют промежутки между строками и связывают все-таки строки даже и тогда, когда и не соприкасаются друг с другом. В таких шрифтах не буквы средней высоты образуют связующее звено между строками, а шрифт в его целом действует как таковое. В немецких произведениях, набранных фрактурными шрифтами, с богатейшими заглавными буквами, это сказывается еще сильнее, чем в наборах, набранных шрифтами антиква, но, тем не менее, при определении разбивки между строками текста, набранного шрифтами антиква, характер шрифта не должен быть оставлен без внимания.

Если мы теперь проследим дальнейшее развитие набора в книге и вместе с тем его общего вида, то еще раз убедимся, что как среди первых, так и среди позднейших типографщиков многие выполняли свою работу чисто ремесленнически и никогда не решались сделать попытку выйти за пределы традиционных форм; они идут по проторенным дорожкам и выпускают одну работу за другою по одному и тому же шаблону, не задумываясь над сущностью и характером своего произведения. Однако, в первые столетия книгопечатания были и такие типографщики, которые смотрели на свою профессию как на искусство и высоко держали его знамя. Они ставили себе новые задачи и цели и создавали для него новые формы.

Печатные произведения пятнадцатого века в распределении набора отдельных страниц сохраняют почти без исключения еще чисто замкнутую

форму прямоугольника. На однообразно наполненной шрифтом странице лишь изредка встречаются промежутки и еще реже выступает из целого какая-нибудь надпись. В 42-х-строчной Гутенберговской библии надписи глав отпечатаны красною краскою, так что каждая новая глава могла начинаться без промежутка инициальною или унциальною буквою; многие преемники Гутенберга набирали и печатали свои книги подобным же образом. Такому примитивному набору нельзя отказать в известной художественной ценности; практически он также был удовлетворителен, поскольку дело шло о скромных притязаниях предъявлявшихся к печати в то время.

Следующим шагом вперед было расчленение книги на отделы, которые снабжались надписями. Сплошной набор прерывался в тех местах, где начиналась новая глава. Надпись новой главы набиралась в книгах, набранных антиква-шрифтами, из заглавных букв или капители, а в другого рода шрифтах — из более крупного кегля, выключалась в средине и ставилась в свободное пространство двух текстовых строк, следовательно значительно выступала среди текста страницы. Текст начинался инициалом или простою заглавною буквою, занимавшею высоту двух-четырех строк. Отступы абзацев внутри отдела долгое время были неизвестны, так что нередко целые листы не имели такого перерыва. Так как до конца пятнадцатого столетия более ценные книги зачастую восполнялись от руки, то печатник во всех тех местах, где предполагались такие восполнения, оставлял свободные места. Там, где мы обычно делаем теперь отступы новых абзацев, оставлялось

также незаполненное пространство, в которое затем рубрикатор вписывал цветной знак параграфа ¶. В большинстве экземпляров этого восполнения, обычно делавшегося самим покупателем, не имеется, и в большинстве дошедших до нас старых книгах мы встречаем только пустые места.

Затем появились абзацы; автор делал абзацы, а наборщик ставил начальные буквы и делал в начале строки отступы. Свободные промежутки до сих пор остававшиеся среди набора, в начале первых строк набора по привычке имели прежние размеры, то-есть достаточные только для того, чтобы в нем можно было уместить параграфный знак. Промежуток обыкновенно соответствовал круглому того шрифта, которым набирался набор. В случае тесной разбивки наборщику не приходило в голову брать промежуток немного меньше; в случае же широкой разбивки, правда, крайне редкой в старинных книгах, наборщик тоже не догадывался несколько увеличить промежуток. Небольшая разница уравнивалась вписанным параграфным знаком.

Из сказанного выходит, что отступ сам по себе первоначально не имел целью обозначать начало нового абзаца пустым пространством, а представлял собою лишь свободное место, предназначавшееся для вставки параграфного знака. Пустое место не входило в расчет типографщика, оно стояло в противоречии с его чувством стиля; вписанный краской параграфный значек уничтожал эту пустоту, абзацы же благодаря этого ясно отмечались, а страницы книги приятно оживлялись, так как параграфные знаки обыкновенно

писались по очереди, то красною краскою, то синею. Во многих таких старинных книгах краски сохранились настолько свежими, что значки производят такое впечатление, как будто они были сделаны всего несколько часов тому назад.

Дальнейшее развитие набора шло в различных направлениях: так как письменное восполнение набора постепенно выходило из употребления, то многие типографщики продолжали держаться привычных отступов; некоторые набирали и печатали параграфные значки одновременно с текстами, иные же начинали набор прямо без отступов. Практика первого рода нашла среди типографщиков мало любителей и скоро совсем прекратилась; несколько более сторонников имел второй способ. Им, между прочим, пользовался и Альбрехт Дюрер, произведение которого «Die Messung mit dem Zirkel und Richtscheit», набранное хотя и не собственноручно им, но под его наблюдением, напечатано именно вторым способом. Дюрер начинал более значительные отделы вольно написанными и резанными на дереве инициалами, которые до одной трети переходили на край, абзацы же внутри отделов систематически делал без отступов. Наши современные «модернисты» могут, таким образом, в этом отношении сослаться на знаменитого предшественника. Некоторые видные типографщики, как например Плантин и Эльзевир, избегали вступлений с большою добросовестностью, выделяя только более крупные абзацы и начиная новый абзац большою буквою, поставленною пред одною или несколькими строками.

Преобладающее большинство типографщиков практиковало отступ, и скоро он сделался общим

правилом, для отмены которого и до ныне еще не находится оснований. Отступ имеет внутреннее право на существование, и отменить его, как то пытались было сделать некоторые, не удается. Является только своевременным свести размеры отступов до нормальных. С течением времени и опять таки как следствие слишком широкой разбивки, отступы разрослись до отвратительно широких дыр, которые вместе с слишком частыми новыми абзацами могут прямо разбить на куски содержание книги.

За всяким увлечением идет реакция. И в наборном деле наступил такой период, когда предполагали совершенно устранить абзацы и отступы. Лучший выход в начале видели при этом в заполнении пустых пространств орнаментами, «строкозаполнителями». В отдельных случаях, беспорно, этот выход был удачен и, будучи применяем со вкусом и пониманием, а прежде всего — экономно и в надлежащих местах, строкозаполнители оказывались художественным средством. Но в общем, для ежедневного обихода эта манера оказалась не подходящей, потому что в тех случаях, когда два или несколько абзацев непосредственно следуют друг за другом, «заполнение строки» в эстетическом отношении действует отрицательно. Уже два или три наполненные таким способом промежутка на странице портят вид всей страницы, а будучи проведена в целой книге, при постоянном повторении одного и того же орнамента, эта манера становится положительно невыносимою. Еще далее идут те, которые хотят совсем изгнать абзацы внутри книги или по крайней мере на протяжении более или менее значительного ее отдела.

И, насколько мне известно, на одном из так называемых Johannistage (Иванов день) 1907 года представитель Гутенберговского Общества, доктор Хагельштанге сделал предложение — первые буквы отделов печатать красною краскою, но в остальном вести сплошной набор без всяких абзацев, или, другими словами, — совершенно так, как практиковал это Гутенберг и как мы это видим на приведенной странице его библии. Но уже при оттиске упомянутого доклада обнаружилось, насколько неприемлем предложенный способ. Доклад, занимавший двадцать одну печатную страницу, набран был, правда, без абзацев, но в тех местах, где должны были бы стоять красные буквы, мы видим «стилизированные черные кляксы», то-есть довольно аляповатые, черные листообразные орнаменты.

К чему все это? Абзац в наших книгах возник из естественного развития печатного искусства и по одному уже этому имеет право на существование. Типографщик, как техник, чрезвычайно мало заинтересован в его устранении. Помимо весьма понятной симпатии, которую питает «расчетливый» наборщик к тому набору, где имеется много абзацев, абзац до известной степени оказывается весьма полезным например при вставках и выкидках и не только сильно облегчает корректурные исправления, но и вообще благотворно отзывается на равномерности набора. При вставках и выкидках можно сделать переборку до ближайшего абзаца, а если последнего нет, то приходится «вгонять» или «выгонять» часть строки, а как то, так и другое гораздо вреднее для равномерности набора, чем те пустые места,

которые могут образоваться от нескольких концевых строк абзацев.

Таким же образом обстоит дело и с отступами абзацев. Необходимо однако во всех случаях довольствоваться отступом величиною в круглый применяемого шрифта, а в разбитом на шпоны наборе прибавлять к круглому столько, сколько занимает разбивка над и под строкою, при чем необходимо присчитывать и пробелы, образуемые плечиками верхней и нижней строки, так чтобы отступ всегда образовал собою квадратный пробел.

Более значительные отделы в книгах типографщик должен начинать инициалами, которые, смотря по характеру книги, могут быть или простыми, или же в большей или меньшей степени изукрашенными. Понятно, что инициалы по характеру и окраске должны подходить к шрифту, в противном случае лучше отказаться от них и ограничиться более крупными буквами, имеющими тот же характер, что и основной шрифт книги, но по размерам равняющимися двум или трем строкам.

Весьма важно, чтобы инициалы всякого рода не только подходили к набору величиной, но и находились бы в согласии с характером шрифта. Инициалы свободные, текучие могут также выдаваться над первой строкой, могут также выступать в свободное поле бумаги, если характер книги и способ ее выполнения допускают такие вольности. Но инициалы прямоугольные и строгие буквы, особенно заглавные антиква, наоборот, должны точно умещаться в отводимом им пространстве; они не должны ни выступать выше первой строки, ни оставлять пустого промежутка

внизу. Строго говоря, верхний край инициала должен находиться на одной высоте с головками заглавных букв первой строки, а нижний край — стоять на одной линии с последнею стоящею подле инициала строкою; только при этом условии инициал не будет портить общего впечатления.

Брать заглавные буквы бо́льшего размера, стоящие в первой строке на линии шрифта, или даже орнаментированные буквы не имеет никакого смысла. Противоположным образцом может служить довольно часто практикуемый в английских и американских книгах и газетах обычай — начинать следующую за рубриками первую строчку текста без отступа и без инициала. Здесь отступ, как признак нового абзаца, правда, не необходим, потому что это уже отмечается самою строчкою рубрики, тем не менее, обычный отступ желателен, в виду однообразного вида страницы.

Говоря об инициалах, мы уже переходим к более свободному трактованию набора и вместе с тем вступаем в ту область, которая предполагает у наборщика более высокий уровень художественного развития. Мы уже видели, какое влияние имеют многочисленные «мелочи» на общий вид набора простой страницы, и как тщательно и обдуманно должен работать наборщик для того, чтобы страница простого сплошного набора выглядела красиво. Но если сплошной набор, будучи правильно набран и сверстан, и придает книге своеобразное выражение, то на него чувствительное влияние оказывают и различные добавочные моменты, без которых не обходится ни одна

книга. Под этими «добавочными моментами» подразумеваются прежде всего рубрики, затем заголовки страниц и примечания; украшающие моменты, вроде головных заставок, концевых виньеток и иллюстраций, прилагаемых к книге без целей обучения, для книги самой по себе имеют небольшое значение и должны стоять в подчиненном положении по отношению к шрифту, что, к сожалению, довольно часто нарушается.

Выше уже было указано, что в первых печатных, равно как и рукописных книгах, кроме инициалов, спокойный вид страниц не прерывался никакими особенными добавлениями. Наборщик начинал работу тем, что брал несколько строк из рукописи и без околичностей осведомлял о дальнейшем содержании: «Здесь начинается книга о...», затем без промежутка делался переход к тексту с инициалом, как показывает приложение 2-е печати Петруса Торнорнена (Petrus Therhoernen), в Кельне 1486 года.

Такой способ начала книги действует, как теперь принято выражаться, «необыкновенно декоративно». Хорошее впечатление часто усиливается тем, что вводные строки отпечатаны красною краскою и красивым, большею частью исполненным в несколько красок, инициалом. С введением в книгопечатание антиква-шрифтов вводные строки в книге обыкновенно стали набирать заглавными буквами, от чего набор еще более выиграл.

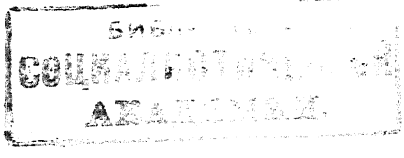
В этом отношении мы имеем уже источники и образцы для книжного искусства Вилльяма Морриса и его последователей и подражателей. Но, тем не менее, прошло уже более четырех

Incipit opusculū tripartitū De p̄ceptis decalogi: De ɔfessione ⁊ Arte moriēdi. per eximiū sacre theologie ꝓfessorē: Magistrū ioannē de Jersona alme vniuersitatis parisiensis Cancellarium.

Cristiaītati suꝰ qualiscūqꝫ zelator ꝓsperū ad virtutes vicijs depulsꝰ incremētū. Salubre duxi sequēs opusculū triptitū de p̄ceptis. de cōfessione. de sciencia mortis. breuitate qua potui tradere quatuor p̄serti xp̄ianoꝝ generibꝰ ꝓfuturꝝ. Primo sacerdotibꝰ et curatis illitteratis atqꝫ simplicibꝰ. qui confessiones audire debent: Scdo indoctis q̄buscūqꝫ ꝑsonis secularibꝰ aut religiosis. que ecclie solitis ꝑmonibꝰ aut p̄dicaciōibꝰ. ꝓ diuinoꝝ p̄ceptoꝝ noticia intereē nō possūt: Tercio pueris ⁊ iuuenibꝰ qui a rudimētis īfancie. circa fidei nrē generalē tenorē ⁊ p̄ncipalia pūcta primitꝰ debent erudiri: Quarto ꝑsonis domos dei uł hospitalia loca frequētantibꝰ ⁊ infirmoꝝ sollicitudinē gerentibꝰ. Quocirca ad huius doctrine publicacionē quadruplex ꝑsonaꝝ status debet vigilare: Primo p̄lati q̄s īferioꝝ curatoꝝ regimē de ꝓpinquo concernit q̄bꝰ insup curatoꝝ ignorancia crassa diuine legis. ⁊ insufficiens erudicio simplicis populi imputabit̄ ī peccatū: Scdo parentes ꝓ filijs apud scolarum

a ij

Страница из «Opusculum», напечатанного Петрусом Торорненом в Кельне 1486 года



столетий с того времени, когда возникли эти оригиналы, и если мы еще и теперь наслаждаемся их красотою, то с другой стороны мы не должны забывать, что с течением времени многое изменилось. Быть может, прекрасная в своей примитивности трактовка старинных печатных произведений и в настоящее время годится для таких книг, которые читаются на досуге со вниманием, в целях развлечения и назидания, от первой до последней страницы, но было бы большим заблуждением думать, что такая манера может служить идеалом для каждой, или по крайней мере для каждой «современной» книги. Дальнейшее развитие книжного дела показывает, что даже «старые» печатники отнюдь не были проникнуты таким убеждением.

Наборщик, который набирал надпись несколько уже, чем текст, и отделял ее небольшим промежутком от текста, делал уже шаг вперед в развитии. Приводимый пример из печати Ketelaer und Leempt в Утрехте, 1473 года:

Incipit liber beati ieronimi preſbiteri
de viris illuſtribus. Capitulum primū.

показывает, как с введением, которое заменяло в то же время и заголовок, соединялась надпись первой главы. В начале текста наборщик оставлял свободное место для большого инициала; но сокращенная надпись следующей главы «Cap. ij» и т. д. стоит еще всегда в конце последней строки предшествующей главы, которую наборщик чрез аббревиатуры и лигатуры соответственно сжимал. В начале дальнейшей главы оставлено квадратное

отверстие перед двумя строками для небольшого инициала.

Следующим шагом было отделение титула от начала текста и печатание его на отдельном листе. Имеются книги пятнадцатого столетия, в которых титул из двух или трех строк, набранных тем же шрифтом, что и текст книги, напечатан на отдельном листе впереди текста, несколько выше середины листа. В таких книгах текст начинается с третьей страницы прямо с инициала, и книга ведется сплошным набором, или же началу предшествует краткое содержание книги или первой ее главы. В последнем случае надписи и инициалы повторяются при каждой главе, а набор ни в коем случае не разбивается.

Такой, все еще примитивный, прием книжного набора имеет безусловно свою красоту, но мы убеждены, что он возник скорее «под давлением нужды», чем по каким-нибудь соображениям художественного характера. Об этом свидетельствуют очень скоро появляющиеся в большом количестве, нередко окруженные действительно великолепными рамками, титульные листы из так называемых Offizinen, обладатели которых располагали более или менее значительными средствами. Те типографщики, у которых весь запас шрифта умещался в одной кассе или состоял из одного кегля и одного характера, с прибавкою нескольких, вырезанных из дерева инициалов, составляли в первое время книгопечатания бесспорно большинство; те же, которые или сами были художниками, или имели художников под рукою и могли оплачивать их труд, или, наконец, те, которые располагали шрифтами различных размеров, не

упускали возможности показывать на своих произведениях все свое богатство.

Вызванный обстоятельствами ход развития в дальнейшем сложился так, что для книжной печати или, вернее, для книжного набора стали вводиться более мелкие шрифты, форма или рисунок которых, понятно, видоизменялись соответственно вкусам времени. Наличные более старые и крупные шрифты находили себе применение для набора титулов и рубрик. Особенно ясно это заметно на более старинных книгах, напечатанных в Германии: здесь, среди круглого готического шрифта, находим еще его предшественницу, старую, так называемую «текстуру», то-есть готический шрифт первых печатных библий и псалтырей, среди швабского шрифта или так называемого швабахера видим круглую готику, в фрактуре — швабском и в самом фрактуре можем различать более старую и более новую резьбу. Даже три разновидности шрифта: швабский и двойного рода фрактур мы встречаем в мирном соседстве в одной группе шрифтов. В более старинных работах, печатанных антиква шрифтами немецких Offizinen, для набора титульных строк нередко применялись более крупные кегли более старого полуготического шрифта, и сохранившийся доселе обычай — набирать немецкий текст из швабского или фрактурного шрифта, а латинский — антиква можно проследить назад до времени немецкого ремесла.

В основе всех этих смесей шрифта лежат, по нашему убеждению, не какие-нибудь художественные соображения, а только практическая случайность и известная беззаботность, заглушающая

чутье стиля. Но подражать этому в наше время, несравненно более богатое и располагающее столь прекрасным шрифтовым материалом, как это практикуют теперь некоторые русские, американские, английские и даже немецкие типографии — это по меньшей мере значит расписываться в убожестве собственного вкуса. Настоящие художники, вроде Дюрера, строго избегали такого смешивания даже в то отдаленное от нас время.

Образцовыми являются издания прежде всего напечатанные чистым антиква шрифтами и курсивом, произведения некоторых старинных итальянских, французских и нидерландских типографщиков, каковы например Альд Мануций, Колинеус, Грипиус, Стефанус, Плантин и Эльзевир, которые, в противоположность большинству современных немецких произведений, отличаются тщательным разделением содержания книги и при всем том сохраняют благородную простоту. Титулы и страницы с текстом отличаются здесь замечательным изяществом и вместе с тем — раздельностью. Для нас становится совершенно понятным, почему такие книги, как издание классиков названных типографщиков в свое время пользовались такою любовью и находили себе широкое распространение. Перелистывать эти маленькие, опрятно отпечатанные и красиво переплетенные в пергамент или кожу томики — настоящее наслаждение; красивый четкий шрифт, обдуманность в формате набора и печати, свежая и прочная, несмотря на свой 300 — 400 летний возраст бумага, все это возбуждает в нас искреннее изумление. Две пары страниц из произведений 1539 и 1662 годов ясно показывают на какой степени развития

стояло в то время наборное дело в Париже и Амстердаме. Хорошие немецкие книги были тогда редкостью. В немецких Offizinen господствовала разнузданность в смысле смешивания шрифтов различных характеров. Англичане, конечно

pro beneficio cœpit: & ideo optimus princeps Hadrianus, cum ab eo viri prætorij peterent, vt sibi liceret respõdere: respondit eis, hoc non peti, sed præstari solere. Et ideo si quis fiduciam sui haberet, delectari se populo, ad respondendum se præstaret. Igitur Sabino concessum est à Tiberio Cæsare, vt populo respõderet. Cui cùm amplæ facultates nõ essent, à suis auctoribꝰ sustẽtatus est. Sabino successit Cassius Longinus, natꝰ ex filia Tuberonis, quæ fuit neptis Seruij Sulpitijsis & cõsul fuit cum Cratino sub Tyberio, à quo ꝓpter authoritatẽ ciuitate pulsus fuit: & ab Imperato. Vespasiano reuocatꝰ, diem obijt. Neruæ successit Proculus. Fuit eo tẽpore & Nerua alius, & alius Longinus eques Ro. & prætoriꝰ, sed Proculi authoritas maior fuit. Nam & qui succedere, partim Proculani, partim Cassiani appellati sunt: quæ origo à Capitone & Labeone cœperat. Cassio Cælius Sabinus successit, qui plurimũ sub Vespasiano potuit. Proculo successit Pegasus, qui sub Vespasiano præfectus vrbis fuit. Cælio Sabino Priscus Iabolenus, Pegaso Celsus, Celso patri Celsus filius, & Priscus Neratius, qui vtrique consules fuerunt, Iaboleno Prisco Eburnius Valens, & Tuscianus, itẽ & Sabinus Iulianus.

Proculani Cassiani.

53

POMPONII LAETI DE SACERDOTIIS, ET PRIMO DE PRIMA RE ligione apud Latinos.

EAunus antiquissimꝰ omnium regũ in Lario fuit. Aborigines homines more ferarum viuẽtes, in mitiorem vitam redegit, locos sacranit, locis & vrbibus nomina dedit: ædificia erexit, templa ædificauit, quæideo à Fauno fana dicũtur, & pontifices sacrando illic fantur. Faunus in Lario cultum deorũ instituisse fertur. Quidam scribunt ante Faunum imperasse Ianum, & cultũ deorũ demõstrasse. Fauni soror Fatua vaticinatrix, ab ea vates Fatuarij dicũtur. hæc traditur mulierum castissima, ideo eam Romani Bonam deam appellauere, cuius templũ est in saxo Auentini montis, vnde ingressus virorum prohibetur: & ei, fœminæ tantum sacrificant.

Faunꝰ. Aborigines. Fana. Ianum. Fatua. Fatuarij. Bonadea.

DE LVPERCIS.

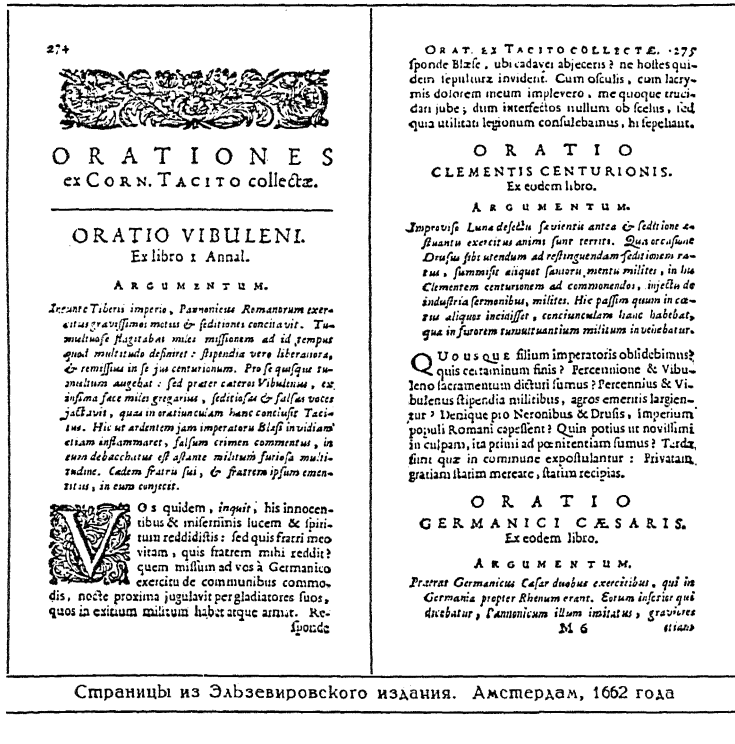
LVpercalia sacrificia ad expiandos manes fiebant, græce Lycæa dicta à Pane Lycæo nũmine Arcadico, quem Romani vocant Iunum, & idem puratur esse Fauno. Lycæo sacrificatur in spelunca, quæ sub Palatino monte est. Mensis quo hæc sacra fiunt, Februa-

Lupercalia. Lycæa Pan. Iunus.

Страницы из Эльзевировского издания. Париж, 1539 года

поступали не лучше, усвоив себе в большей или меньшей степени манеру смешивать в заголовках и рубриках готические строки с антиква шрифтами, и, как уже упомянуто выше, «современные» американские и английские типографщики стараются снова искусственно оживить эту манеру и даже превзойти старые образцы. Они

«искусно» мешают заглавные буквы антиква шрифтов с капителью, курсив и старую готику в одной и той же рубрике, с целью сообщить книге «художественную внешность».



274

ORATIONES
ex CORN. TACITO collectæ.

ORATIO VIBULENI.
Ex libro 1 Annal.

ARGUMENTUM.

Incunte Tiberii imperio, Pannonicus Romanorum exercitus gravissimos motus & seditiones concitavit. Tumultuose flagitabat milex missionem ad id tempus quod multitudo definiret: stipendia vero liberatora, & remissius in se jus centurionum. Pro se quisque tumultum augebat: sed prater cæteros Vibulenus, exitiosa face miles gregarius, seditiosas & falsas voces jactavit, quas in orationculam hanc contexuit Tacitus. Hic ut ardentem jam imperatoru Blæsi invidiam etiam inflammaret, falsum crimen commentus, in eum debacchatus est astante militum furiosa multitudine. Cædem fratris sui, & fratrem ipsum amentiæ, in eum conjecit.

VOS quidem, inquit, his innocentibus & miserrimis lucem & spiritum reddidistis: sed quis fratri meo vitam, quis fratrem mihi reddit? quem missum ad vos à Germanico exercitu de communibus commodis, nocte proxima jugulavit per gladiatores suos, quos in exitium militum habet atque armat. Respondeo

ORAT. EX TACITO COLLECTÆ. 275

sponde Blæse, ubi cadaver abjeceris? ne hostes quidem sepulturæ invident. Cum oculis, cum lacrymis dolorem meum implevero, me quoque trucidari jube; dum interfectos nullum ob scelus, sed quia utilitati legionum consulebamus, hi sepeliant.

ORATIO
CLEMENTIS CENTURIONIS.
Ex eodem libro.

ARGUMENTUM.

Improvisa Luna defectu sævientis antea & seditione assuanta exercitus animos sunt territi. Quæ ereptume Drusus sibi utendum ad restinguendam seditionem ratus, sumsisse atque sanioru mentu milites, in his Clementem centurionem ad commonendos, injectu de industria sermonibus, milites. Hic passim quum in cæsus aliquos inciasset, cæteruncularm hanc habebat, quæ in furorem tumultuantium militum invehebatur.

QUOUSQUE filium imperatoris obsidebimus? quis certaminum finis? Percennione & Vibuleno sacramentum dicturi sumus? Percennius & Vibulenus stipendia militibus, agros emeritis largiemur? Denique pro Neronibus & Drusis, imperium populi Romani capessent? Quin potius ut novissimi in culpam, ita primi ad pœnitentiam sumus? Tardæ sunt quæ in commune exposcuntur: Privatam gratiam statim mereare, statim recipias.

ORATIO
GERMANICI CÆSARIS.
Ex eodem libro.

ARGUMENTUM.

Præerat Germanicus Cæsar duobus exercitibus, qui in Germania propter Rhenum erant. Eorum inferior qui dicebatur, Pannonicum illum imitatus, graviores

M 6 etiam

Страницы из Эльзевировского издания. Амстердам, 1662 года

Здесь мы снова подходим к вопросу о рубриках. Взаимная трактовка их имеет большое влияние на красоту и общий облик книги. Доброе старое время уже доказало нам, что пользование ими может быть и красиво, и практично. Если остановимся на немецкой книге, как наиболее старейшей, то заметим, что немцам нужно, так сказать,

только «подрезать некоторые косы» со временем выросшие до значительной длины. Если у немцев смешивание фрактур и антиква шрифтов в немецком наборе признается «Лейпцигскою академиею книжного дела и графических искусств» еще только «возможным», то в изданиях, набранных фрактуром, смешивание фрактура и швабахера, канцелярского и готического, а в произведениях, набранных антиква-шрифтами смешивание с египетским, итальянским, древним и т. под. с чистою антиквою всякого рода — стало глубоко вкоренившимся правилом. Но от этого правила, тем не менее, нашим специалистам все-таки следует отказаться; кроме того, они должны приучиться к тому, чтобы правильнее набирать рубрики, а не растягивать или сжимать их во вред красоте страницы.

Единство при выборе шрифтов является одним из тех главнейших типографских правил, которые находят заграницей все более и более понимание, а в акцидентных работах и осуществление; но в обычном наборе оно часто считается неприемлемым. Здесь мы встречаем книги с столь обстоятельной рубрикацией, что наши наборщики думают будто без узких, широких, полужирных и жирных шрифтов невозможно обойтись. Но это просто недостаточное понимание своего дела и нужно признать за общее правило для всякого набора, что для известной работы должен применяться известный шрифт. Для рубрик и титулов нужно пользоваться только более крупными кеглями текстового шрифта, в исключительных же случаях, если дело идет о руководствах, учебниках, каталогах и т. под. изданиях, уместны полужирные и жирные шрифты того же характера,

что и основной шрифт. Старое правило, гласящее, что каждая рубрика, смотря по своему значению, должна набираться иным шрифтом и размером, возникла из преувеличенного педантизма, который в настоящее время отжил свой век.

Широкое расстояние между рубриками долгое время считалось приемом «тонким»; чем больше был отступ над начальными страницами, чем больше было расстояние различных, содержащих надписи строк между собою и от текста, тем роскошнее считалась книга. Мы уже видели, что основной формой книжной страницы является прямоугольник, и эта основная форма не должна быть нарушаема надписями; она должна быть сохранена также и в начальных страницах. Излюбленный большой отступ излишен; первая страница книги и каждой новой главы должны начинаться на той же высоте, как и все прочие страницы. Рубрики, состоящие из нескольких строк, не следует расставлять слишком широко, чтобы строки не теряли общей связи, хотя с другой стороны естественно, чтобы крупные строки разделялись несколько бо́льшим пробелом, чем строки рядового набора.

Заголовочные заставки не должны стоять слишком далеко от текста, а должны вместе с текстом составлять одну цельную поверхность, сохраняя прямоугольную форму страницы. Что заголовочные заставки по окраске и в рисунке должны согласоваться с текстом и инициалами, это — требование столь же понятное, как и то, чтобы ширина заголовочных заставок точно согласовалась с шириной текста. Если хотя бы одно из этих предположений не может быть выполнено,

то в таком случае лучше совсем отказаться от украшений, так как фальшивое украшение только портит впечатление.

Что касается колон-цифр, то наборщики, как известно, различают «мертвые» и «живые» колонцифры, понимая под первыми простой счет страниц, а под последними надписи, которые указывают содержание страницы и называются колон-титулами.

В самых старых печатных книгах еще не применяется страничная нумерация; последняя производилась от руки рубрикатором, который вписывал в готовые книги подписи и инициалы. Наборщику и печатнику указателем правильной последовательности страниц служили кустоды: в правом нижнем углу каждой страницы помещалось слово, которым начиналась следующая страница. Со временем листы и лагены стали отмечаться буквами и цифрами, и такие отметки назывались нормами. Лагены обозначались буквами в алфавитном порядке, а для обозначения листа к букве прибавлялась цифра. Лагены содержали от трех до четырех листов. Так, в старых книгах на первой страницы текста ставилась буква *A* или *Ai*, внизу третьей страницы — *Aij*, внизу пятой страницы — *Aiij*, внизу седьмой страницы — *Aiiij*, внизу девятой странице, стало быть первой нечетной страницы оборотной формы, ставился знак *Av*, обозначавший, что это — внутренний лист лагена; затем следовали три листа без знаков и на странице семнадцатой, как первой во втором листе, ставилась буква *B* или *Bi*, на странице девятнадцатой — *Bij* и т. д. Таким образом проходили всю книгу «книгопродавческим

алфавитом» — от *A* до *T*, *V*, *X*, *Y*, *Z*, то-есть через 23 листа; если в конце имелось более листов, то они отмечались буквами *Aa*, *Bb*, *Cc* и т. д., опять от *i* до *v*. Вместо *Ai*, *Bi* и т. д. ставились также только *A*, *B* и т. д., а вместо римских *i*, *ij*, *iij* и т. д. в позднейшее время стали ставить арабские цифры — *A*1, *A*2 и т. д. Если книга начиналась простым титульным листом, продолжаясь затем на третьей странице текстом, то титул печатался и нумеровался как первая страница первого листа, без всякой особенной пометки. Но если титул с посвящением и предисловием, — а в старых книгах и то и другое нередко занимало целые листы,— печатались по окончании всей книги, тогда лагены титульного листа снабжались нормою из общего алфавита: *a*, *aij*, *aiij*, *aiiij*, *av*, *bi*, *bij* и т. д. Нормы, как и кустоды набирались всегда тем же шрифтом, которым был набран текст книги.

Если кустоды помогали наборщику ориентироваться в порядке страниц, то нормы предназначались для брошюровщика. С тех пор, как книги стали печататься на больших листах, образующих четыре, восемь и более листков, которые брошюровщик путем фальцовки превращал в лаген, норма ставится на первой странице каждого листа наружной формы набора и снабжается звездочкою на третьей странице внутренней формы. Сначала девятнадцатого столетия на место алфавита стали ставить цифры, а под первой страницей каждого листа, с левой стороны, сокращенное заглавие книги, чтобы предотвратить при брошюровке путаницу, когда брошюровщик имеет дело со сходными листами

различных изданий или томов одного и того же издания.

Нумерация страниц, находящаяся в верхнем углу на передней стороне каждого листка, написанная или напечатанная римскими, а с шестнадцатого столетия — арабскими цифрами, — предназначалась для читателя на тот случай, если бы он захотел найти по прилагавшемуся к каждой книге, обычно очень подробному регистру, то или другое место в книге. Наряду с нумерацией страниц возникает и нумерация глав; первая сначала ставилась в углу листа, вверху, а вторая в средине над страницей текста. Спустя несколько десятилетий после введения книгопечатания, нумерация листков и заголовков страниц (последние расширенные до короткого изложения содержания) стали набираться и печататься в одну строку шрифтом текста, а затем — шрифтом более крупным, выделяющимся из текста. Так, мы находим в книгах, напечатанных круглою готикою, в заголовках страниц угловатую библейскую или псалтирную готику; позднее, когда наиболее обычным книжным шрифтом стал фрактур, заголовки страниц стали набираться швабским шрифтом. В книгах, набранных антиквою, для таких заголовков применялись заглавные буквы или капитель, а иногда и курсив. С средины шестнадцатого столетия на место фолиации выступает пагинация, то-есть теперь каждая страница книги получает свою последовательную нумерацию, которая в четных страницах ставится в левом, а в нечетных в правом верхнем углу. Это положение цифра получила и в качестве «мертвого» заголовка страницы.

Применение заголовка страницы осталось до настоящего времени таким же, каким оно было с самого начала, и лишь получило название колонтитула. Выполнение набора в течение столетий в общем также не изменилось. Так, уже в шестнадцатом столетии вошло в обычай ставить текст колонтитула над обеими, рядом стоящими страницами, а в книгах с несколькими произведениями уже в то время слева ставилось имя автора, а справа — заглавие. Только в наше время уклонились от этого старинного способа положения колонтитула, но, наверное, не из того соображения, что это больше отвечает нашим потребностям, а просто потому, чтобы сделать какую-нибудь перемену. Простая колонцифра при этом буквально проделала круговое путешествие вокруг страницы: на нечетной странице, например, ее отодвинули с правого угла над страницей вправо же в линию с первою строкою, затем спустили вниз справа же, в линию с последнею строкою, потом опустили еще, под последнюю строку; далее стали ставить ее в средине, внизу страницы; затем перенесли влево, под страницу же, потом подняли слева на один уровень с последней строкой; стояла она и слева на верху, перед первою строкою, и в средине над страницею, где ее обыкновенно предпочитали ставить с начала девятнадцатого столетия.

Так как колонцифра имеет своим назначением — облегчать читателю нахождение определенной страницы, то лучшим местом для нее было бы то, где она всего лучше выполняла бы свое назначение. Это место писцы и печатники первых книг нашли в верхнем правом углу передней

стороны листка. Если цифру затем передвигали в средину над страницей, а потом — в средину же под страницей, то в этом сказывалось несколько преувеличенное чувство симметрии. Тем не менее, такое изменение еще имело некоторый смысл, хотя для практических целей оно и было не так удобно, как первоначальное положение. Но дальнейшая передвижка не имеет никакого смысла, так как вряд ли можно утверждать, что общий вид страницы что-нибудь выигрывает в красоте от того, здесь или там поставлена на ней колон-цифра.

Оживляющий страницу колон-титул сохранил то место, которое указали ему еще старые типографщики; но в то время, как прежде его ставили очень близко — часто без промежутка — к тексту страницы, теперь обычно отделяют, приблизительно на расстояние одной строки текста от набора, а также набирают меньшим шрифтом, чем текст, но того же характера. Только в некоторых современных английских книгах мы находим, по примеру Морриса, особенную манеру: здесь оживляющий колон-титул стоит на краю страницы и именно — в нечетных страницах наверху справа, а на четных — вверху слева, прямо подле текста, а колон-цифра помещается под страницей, под нижним ее углом. Нельзя сказать, чтобы эта манера была не практична, но красива ли она — это вопрос: если рассматривать две рядом стоящие страницы как одно целое, то колон-титулы производят впечатление ушей, прилепленных к шрифту.

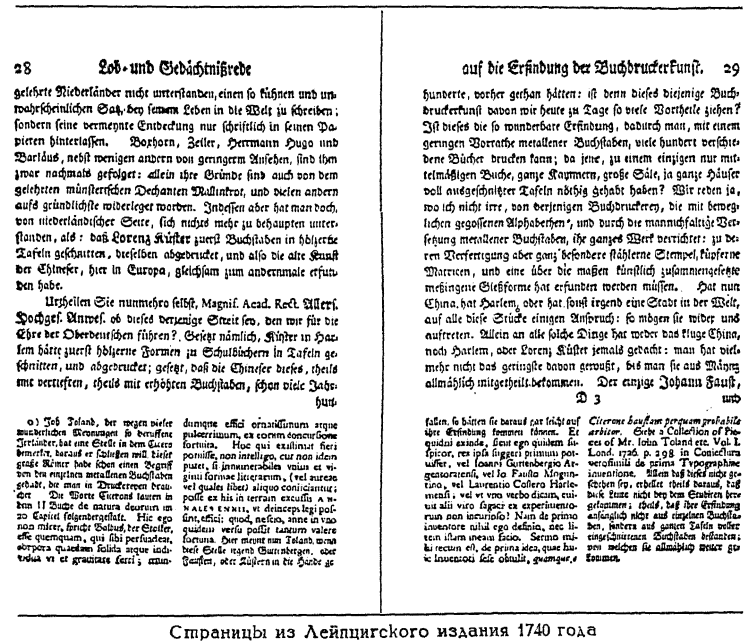
Во многих печатных произведениях встречаются примечания, набор которых играет тоже видную

роль. В наше время примечания не практикуются в столь широкой мере, как в старых книгах, и потому теперь им не уделяется так много внимания при наборе, как прежде. В старых книгах текст часто как бы обрастал примечаниями; они как глоссы охватывали текст со всех сторон, вторгаясь даже между строками. Очень часты и такие произведения, в которых примечания, в качестве маргиналий печатаются мелким шрифтом в наружном поле, где они, таким образом, не вредят правильной форме страницы. Набор глосс и примечаний в старинных печатных произведениях выполнялся с большою тщательностью: в них большею частью сосредоточивалась работа авторов, которые хотели ознакомить современников с более ранними произведениями. Таким путем возникло много книг, внутренность которых имеет своеобразную красоту благодаря своей оригинальной форме. Примером может служить воспроизводимая здесь страница из кодекса Юстиниана, отпечатанного в 1475 году Зензеншмидом и Фризнером в Нюрнберге. (Приложение 3-е).

Около ста лет уже, как примечания находятся у наборщиков в загоне. Без всякой особенной мысли они обыкновенно помещают их абзацами под строками страницы. Если приходится иметь дело с несколькими короткими примечаниями, например ссылки на литературу, то наборщики трактуют его как чистейший шпек: они заключают квадратами во всю ширину страницы, вместо того, чтобы расположить их в красивые группы, которые дают страницам солидную законченность. Во многих книгах примечания помещаются в конце, позади текста, чтобы не нарушать спокойного

Страница из кодекса Юстиниана, напечатанного Зенценшмидом и Фризнером в Нюрнберге в 1475 году

вида текста и не портитъ равномерной формы печатныхъ страницъ. Объ этомъ не пришлось бы говорить, если бы примечания набирались обдуманно и со вкусомъ и вводились затемъ в текстъ или присоединялись к нему. Как это можно сде-



28 Lob- und Gedächtnißrede

gelehrte Niederländer nicht unterstanden, einen so kühnen und unwahrscheinlichen Satz bey seinem Leben in die Welt zu schreiben; sondern seine vermeynte Entdeckung nur schriftlich in seinen Papieren hinterlassen. Boxhorn, Zeller, Herrmann Hugo und Barläus, nebst wenigen andern von geringerm Ansehen, sind ihm zwar nachmals gefolget: allein ihre Gründe sind auch von dem gelehrten münsterischen Dechanten Mallinkrot, und vielen andern aufs gründlichste widerleget worden. Indessen aber hat man doch, von niederländischer Seite, sich nichts mehr zu behaupten unterstanden, als: daß Lorenz Küster zuerst Buchstaben in höltzerne Tafeln geschnitten, dieselben abgedrucket, und also die alte Kunst der Chinesser, hier in Europa, gleichsam zum andernmale erfunden habe.

Urtheilen Sie nunmehro selbst, Magnif. Acad. Rect. Allerf. Hochgef. Amwef. ob dieses derjenige Streit sey, den wir für die Ehre der Oberdeutschen führen? Gesetzt nämlich, Küster in Harlem hätte zuerst höltzerne Formen zu Schulbüchern in Tafeln geschnitten, und abgedrucket; gesetzt, daß die Chinesser dieses, theils eine vertieften, theils mit erhöhten Buchstaben, schon viele Jahrhun-

o) Joh Toland, der wegen dieser wunderlichen Meynungen so berufene Irrländer, hat eine Stelle in dem Cicero bemerkt, daraus er schliessen will, dieser grosse Römer habe schon einen Begriff von den ersten metallenen Buchstaben gehabt, die man in Druckereyen braucht. Die Worte Ciceronis lauten in dem 11 Buche de natura deorum im 20 Capitel folgendergestalt. Hic ego non miror, fortaſſe Balbus, hoc Stoïcis, eſſe quemquam, qui ſibi perſuadeat, corpora quaedam ſolida atque individua vi et gravitate ferri; eamdemque effici ornatiſſimorum atque pulcherrimum, ea eorum concurſione fortuita. Hoc qui exiſtimat fieri poſſe, non intelligo, cur non idem putet, ſi innumerabiles vnius et viginti formae litterarum, (vel aureae vel quales libet) aliquo conijciantur; poſſe ex his in terram excuſſis ANNALES ENNII, vt deinceps legi poſſint, effici: quod, neſcio, anne in vno quidem verſu poſſit tantum valere fortuna. Hier meynt nun Toland, wenn dieß Stelle regend Gutenbergen, oder Fauſten, oder Küstern in die Hände gekommen hätte, so hätten sie daraus gar leicht auf ihre Erfindung kommen können. Et quidni exeunde, ſicut ego quidem ſuſpicor, res ipſa ſuggeri primum potuiſſet, vel ſaltem Guttenbergo Argentoratenſi, vel Ioanni Fauſtae Moguntino, vel Laurentio Coſtero Harlemenſi, vel vi vno verbo dicam, cuiuſcumque alii vtro ſagacer ex experimentorum non incunabilis? Nam de primo inventore nihil ego definio, nec litem iſtam meam facio. Semmo mihi rectum eſt, de prima idea, quae huic inventioni ſeſe obtulit, quamquer, e

auf die Erfindung der Buchdruckerkunſt. 29

hunderte, vorher gethan hätten: ist denn dieses diejenige Buchdruckerkunst davon wir heute zu Tage so viele Vortheile ziehen? Ist dieses die so wunderbare Erfindung, dadurch man, mit einem geringen Vorrathe metallener Buchstaben, viele hundert verschiedene Bücher drucken kann; da jene, zu einem einzigen nur mittelmäßigen Buche, ganze Kaymern, große Säle, ja ganze Häuser voll ausgeschnitzter Tafeln nöthig gehabt haben? Wir reden ja, wo ich nicht irre, von derjenigen Buchdruckerey, die mit bewglichen gegossenen Alphabethen, und durch die mannichfaltige Versetzung metallener Buchstaben, ihr ganzes Werk verrichtet: zu deren Verfertigung aber ganz besondere stählerne Stempel, kupferne Matricen, und eine über die maßen künstlich zusammengesetzte meßingene Gießforme hat erfunden werden müssen. Hat nun China, hat Harlem, oder hat sonst irgend eine Stadt in der Welt, auf alle diese Stücke einigen Anspruch: so mögen sie wider uns auftreten. Allein an alle solche Dinge hat weder das kluge China, noch Harlem, oder Lorenz Küster jemals gedacht: man hat vielmehr nicht das geringste davon gewußt, bis man sie aus Mäyntz allmählich mitgetheilt bekommen. Der einzige Johann Fauſt,

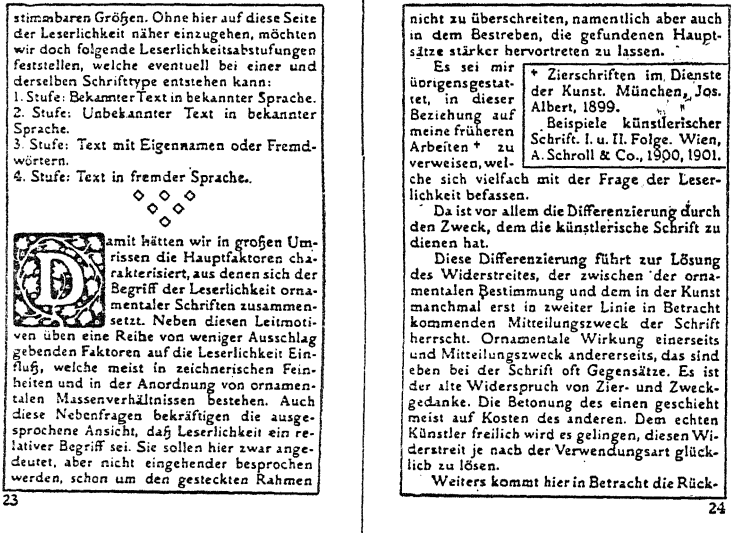
D 3 und

Ciceronе haußem pergamum profectiſſe arbitror. Siehe 2 Collection of Pieces of Mr. John Toland etc. Vol. I. Lond. 1726. p. 298 in Conjectura verosimili de prima Typographicae inventione. Allein daß dieses nicht gestehen so, erhellet theils daraus, daß diese Leute nicht bey dem Erudiren ihre gekommen; theils, daß ihre Erfindung anfänglich nicht aus einzelnen Buchstaben, sondern aus ganzen Tafeln voller eingeschnittenen Buchstaben bestanden; von welchen sie allmählich weiter gekommen.

Страницы из Лейпцигского издания 1740 года

лать — видно из прилагаемых здесь старинных и новейших образцов. Всегда, особенно в больших форматах, хорошо набирать примечания в два столбца, благодаря этого можно избежать коротких концевых строк, пустые пространства которых производят такое неприятное впечатление, особенно в книгах большого формата. Далее, более объемистые примечания нужно всегда распределять

в книге равными частями на обеих соседних страницах. Как показывает это образец, в прежнее время не стеснялись даже переносить примечания, принадлежащие к тексту правой страницы, наполовину под левую страницу, лишь бы сохранить



stimmbaren Größen. Ohne hier auf diese Seite der Leserlichkeit näher einzugehen, möchten wir doch folgende Leserlichkeitsabstufungen feststellen, welche eventuell bei einer und derselben Schrifttype entstehen kann:
1. Stufe: Bekannter Text in bekannter Sprache.
2. Stufe: Unbekannter Text in bekannter Sprache.
3. Stufe: Text mit Eigennamen oder Fremdwörtern.
4. Stufe: Text in fremder Sprache.

Damit hätten wir in großen Umrissen die Hauptfaktoren charakterisiert, aus denen sich der Begriff der Leserlichkeit ornamentaler Schriften zusammensetzt. Neben diesen Leitmotiven üben eine Reihe von weniger Ausschlag gebenden Faktoren auf die Leserlichkeit Einfluß, welche meist in zeichnerischen Feinheiten und in der Anordnung von ornamentalen Massenverhältnissen bestehen. Auch diese Nebenfragen bekräftigen die ausgesprochene Ansicht, daß Leserlichkeit ein relativer Begriff sei. Sie sollen hier zwar angedeutet, aber nicht eingehender besprochen werden, schon um den gesteckten Rahmen

23

nicht zu überschreiten, namentlich aber auch in dem Bestreben, die gefundenen Hauptsätze stärker hervortreten zu lassen.

Es sei mir übrigens gestattet, in dieser Beziehung auf meine früheren Arbeiten * zu verweisen, welche sich vielfach mit der Frage der Leserlichkeit befassen.

Da ist vor allem die Differenzierung durch den Zweck, dem die künstlerische Schrift zu dienen hat.

Diese Differenzierung führt zur Lösung des Widerstreites, der zwischen der ornamentalen Bestimmung und dem in der Kunst manchmal erst in zweiter Linie in Betracht kommenden Mitteilungszweck der Schrift herrscht. Ornamentale Wirkung einerseits und Mitteilungszweck andererseits, das sind eben bei der Schrift oft Gegensätze. Es ist der alte Widerspruch von Zier- und Zweckgedanke. Die Betonung des einen geschieht meist auf Kosten des anderen. Dem echten Künstler freilich wird es gelingen, diesen Widerstreit je nach der Verwendungsart glücklich zu lösen.

Weiters kommt hier in Betracht die Rück-

* Zierschriften im Dienste der Kunst. München, Jos. Albert, 1899.
Beispiele künstlerischer Schrift. I. u. II. Folge. Wien, A. Schroll & Co., 1900, 1901.

24

Страницы из книг Лариша. Вена 1904 года

красивый общий вид страницы. При двухстолбцовом наборе примечание, будучи помещено только под одним столбцом или же распределено под обоими столбцами, но неравномерно, портит общий вид страницы; поэтому наборщик в этих случаях также должен распределить примечания под обоими столбцами равномерно. Еще лучше было бы, если бы их набирали так, как в библии немецкой

DAS BUCH JOSUA

DAS 1. KAPITEL

Josua wird von Gott in seinem Beruf gestärkt. Das Volk verspricht ihm Gehorsam.

1 Nach dem Tod Moses, des Knechts des
2 Herrn, sprach der Herr zu Josua, dem Sohn Nuns, Moses Diener: Mein Knecht Mose ist [1]) gestorben; so mache dich nun auf und zeuch über diesen Jordan, du und dies ganze Volk, in das Land, das ich ihnen,
3 den Kindern Israel, gegeben habe. Alle Stätten, darauf eure Fußsohlen treten werden, hab ich euch gegeben, wie ich Mose geredet habe.[2])
4 Von der Wüste an und diesem Libanon bis an das große Wasser Euphrat, das ganze Land der Hethiter, bis an das große Meer gegen Abend, sollen
5 eure Grenzen sein. Es soll dir niemand widerstehen dein Leben lang. Wie ich mit Mose gewesen bin, also will ich auch mit dir sein. Ich [3]) will
6 dich nicht verlassen, noch von dir weichen. Sei [4]) getrost und unverzagt; denn du sollst diesem Volk das Land austeilen, das ich ihren Vätern geschworen habe, daß ich's ihnen geben wollte.
7 Sei nur getrost und sehr freudig, daß du hältest und tust allerdinge nach dem Gesetz, das dir Mose, mein Knecht, geboten hat. Welche nicht davon, weder [5]) zur Rechten noch zur Linken, [6]) auf daß du weislich handeln mögest in allem, das du tun
8 sollst. Und laß das Buch dieses Gesetzes nicht von deinem Munde kommen, sondern [7]) betrachte es Tag und Nacht, auf daß du hältest und tust allerdinge nach dem, das darinnen geschrieben steht. Alsdann wird die gelingen in allem, das du
9 tust, und wirst weislich handeln können. Siehe, ich habe dir geboten, daß du getrost und freudig seiest. Laß dir nicht grauen, und entsetze dich nicht; denn der Herr, dein Gott, ist mit dir in allem.

10 Da gebot Josua den Hauptleuten des Volks
11 und sprach: Gehet durch das Lager, und gebietet dem Volk und sprecht: Schaffet euch Vorrat; denn über drei Tage werdet ihr über diesen Jordan gehen, daß ihr hineinkommet, und das Land einnehmet, das euch der Herr, euer Gott,
12 geben wird. Und zu den Rubenitern, Gaditern und dem halben Stamm Manasse sprach Jo-
13 sua: Gedenket an das Wort, das [8]) euch Mose, der Knecht des Herrn, saget und sprach: Der Herr, euer Gott, hat euch zu Ruhe gebracht, und dies
14 Land gegeben. Eure Weiber und Kinder und Vieh laßt im Land bleiben, das euch Mose gegeben hat, diesseit des Jordans; ihr aber sollt vor euren Brüdern herziehen gerüstet, was streitbare Männer sind, und ihnen helfen,
15 bis daß der Herr eure Brüder auch zu Ruhe bringt wie euch, daß sie auch einnehmen das Land, das ihnen der Herr, euer Gott, geben wird. Alsdann sollt ihr wieder umkehren in euer Land, das euch Mose, der Knecht des Herrn, gegeben hat zu besitzen diesseit des Jordans, gegen der Sonne Aufgang.
16 Und sie antworteten Josua und sprachen: Alles,
17 was du uns geboten hast, das wollen wir tun, und wo du uns hinsendest, da wollen wir hingehen. Wie wir Mose gehorsam sind gewesen, so wollen wir dir auch gehorsam sein; allein, daß der Herr, dein Gott, nur mit dir sei, wie er mit
18 Mose war. Wer deinem Mund ungehorsam ist, und nicht gehorchet deinen Worten in allem, das du uns gebietest, der soll sterben.[9])

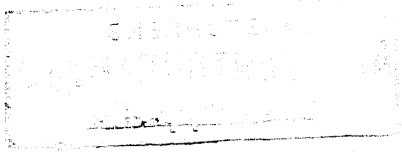
DAS 2. KAPITEL

Rahab rettet zwei israelitische Kundschafter in Jericho gegen das Versprechen, mit ihrer Familie verschont zu werden.

1 Josua aber, der Sohn Nuns, hatte zween Kundschafter heimlich ausgesandt von Sittim, und ihnen gesagt: Gehet hin, besehet das Land und Jericho. Die gingen hin, und kamen [10]) in das Haus einer Hure, die hieß
2 Rahab, und kehreten zu ihr ein. Da ward dem König zu Jericho gesagt: Siehe, es sind in dieser Nacht Männer hereinkommen von den Kindern Israel, das Land zu erkunden. Da sandte der
3 König zu Jericho zu Rahab, und ließ ihr sagen: Gib die Männer heraus, die zu dir in dein Haus kommen sind; denn sie sind kommen, das ganze Land zu erkunden. Aber das Weib verbarg die
4 zween Männer, und sprach also: Es sind ja Männer zu mir hereinkommen, aber ich wußte nicht,
5 von wannen sie waren. Und da man die Tore wollte zuschließen, da es finster war, gingen sie hinaus, daß ich nicht weiß, wo sie hingegangen sind. Jaget ihnen eilend nach, denn ihr werdet sie
6 ergreifen. Sie aber ließ sie auf das Dach steigen, und verdeckte sie unter die Flachsstengel, die sie auf dem Dache ausgebreitet hatte. Aber
7 die Männer jagten ihnen nach auf dem Wege zum Jordan bis an die Furt; und man schloß das Tor zu, da die hinaus waren, die ihnen nachjagten.
8 Und ehe denn die Männer sich schlafen legten, stieg sie zu ihnen hinauf auf das Dach,

[1]) 5. Mos. 34, 5. [2]) 5. Mos. 11, 24. [3]) 5. Mos. 31, 8; Ebr. 13, 5. [4]) 5. Mos. 3, 28; 31, 7. 23. [5]) 5. Mos. 5, 29. [6]) 1. Kön. 2, 3. [7]) Ps. 1, 2. [8]) 4. Mos. 32, 20. [9]) V. 6. [10]) Jak. 2, 25; Ebr. 11, 31.

Страница из библии, напечатанной в немецкой государственной печатне в Берлине в 1906 году



государственной печатни: отводитъ для них прямоугольное пространство внизу между столбцами. (Приложение 4-е). Не следует также игнорировать и то разрешение вопроса, которое дает Лариш в своих книгах (см. образец), хотя я нахожу такую линеечную пристройку, в которую включено примечание, далеко неудачной и было бы гораздо красивее, если бы горизонтальные линейки прямоугольника не примыкали к вертикальной линии рамки, в которую включен текст страницы, а соединялись бы отдельною линиею. Было бы также довольно красиво, если бы примечание вовсе не было окаймлено линейками, а было бы набрано лишь более мелким шрифтом, чем текст страницы.

Можно было бы еще много сказать о различных отдельных областях набора, например о наборе стихов, драматических произведений, иллюстрированных изданий, не говоря уже о так называемом наборе научных изданий, но по этому вопросу в скором времени выйдет отдельное издание. Все эти виды набора, да и все книги вообще, следует трактовать с художественной точки зрения; между тем они обыкновенно выполняются фабричным способом, по однообразным шаблонам. Вообще бездушное массовое выполнение составляет отличительный признак современного печатного дела. Даже те книги, которые имеют своею задачею — передать современникам и грядущим поколениям результаты творчества лучших умов, появляются в таких наборах, которые свидетельствуют, что наши типографщики остаются совершенно безучастными к их содержанию и значению.

В новом художественно-промышленном движении охотно пускается в оборот девиз, что нужно работать так, чтобы у материала, как и в старое доброе время, использовать все лучшие его стороны. Если это так, то и прекрасно: самый главный материал у типографщика — шрифт, а цель пользования им есть набор, а потому он должен заботиться о том, чтобы этот действительно благородный материал снова получил подобающее применение и трактовку.

Цель настоящей книжки далеко, конечно, не имеет исчерпывающего характера и заключается лишь в том, чтобы побудить наших наборщиков, метранпажей, факторов и заведывающих развить свои технически-художественные и общеобразовательные познания, ибо необходимо помнить, что печатное искусство уже в самой своей основе требует от исполнителей возможно более широкого образования, о развитии которого необходимо всегда заботиться.

